

МАНЬЧЖУРСКАЯ ВОЙНА.

Наступательный періодъ.

ОЧЕРКЪ ДѢЙСТВІЙ 31-й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ.

(Изъ дневника участника).

10 Сентября я выписался изъ лазарета Кубанскаго Краснаго Креста, который помѣщался на баржѣ «Кубанецъ», на пристани, въ г. Харбинѣ. Такъ какъ поѣздъ изъ Харбина отходилъ на Югъ въ 10 ч. 40 м. вечера, то мнѣ пришлось цѣлый день проболтаться на баржѣ.

Утромъ, лишь только я уложилъ мое скромное имущество и очистилъ занимаемую мною комнату, она тотчасъ же была занята тяжело больнымъ офицеромъ, съ часу на часъ ожидавшимъ кончины. Онъ былъ перенесенъ въ мою комнату въ безсознательномъ состояніи. Странное совпаденіе болѣзней привело этого офицера къ могилѣ: прибылъ онъ съ тифомъ, затѣмъ у него появился плевритъ а въ концѣ концовъ новое осложненіе — воспаленіе легкихъ.

Весь день, не имѣя своего угла, я провелъ въ офицерской палатѣ. По утрамъ, какъ и всегда, визитація врачей; служителя и сестры, не покладая рукъ, не отходятъ отъ больныхъ и особенно внимательно слѣдятъ за состояніемъ тяжело больныхъ и раненыхъ. Въ этотъ день должна была происходить операція: врачи въ бѣлыхъ халатахъ, сестры въ спеціальныхъ передникахъ сутилились въ операціонной комнатѣ, вынимали и протирали инструменты, грѣли теплую воду на спиртовкахъ, приготавливали бѣлье, губки, ванну,

словомъ, необходимое для операціи. Когда все было подготовлено, понесли въ операціонную комнату офицера, у котораго дней 10 тому назадъ была отнята нога, но изъ опасенія возможности развитія гангрены, рана не зашивалась. Такъ какъ опасность зараженія миновала, то въ этотъ день обнаженныя части тѣла и костей признано было возможнымъ зашить. Операція производилась подъ хлороформомъ. Обратно внесли офицера въ палату въ безсознательномъ состояніи. Старшая сестра, сидя у изголовья, приводила его въ чувство, вливая въ ротъ, по чайной ложечкѣ, какого то холоднаго напитка, наблюдая все время за пульсомъ. Затѣмъ понесли другого съ прострѣленной ногой и животомъ: ему нужно было зашить мочевой пузырь, прострѣленный двумя пулями. На благопріятный исходъ этой операціи, мы, очевидцы, мало посвященные въ хирургию, не рассчитывали. Операція продолжалась очень долго, но, наконецъ, принесли и его совершенно какъ мертвое тѣло и бережно положили на койку. Нога была отнята. Та же заботливая старшая сестра не сводила глазъ съ больного, обрызгивала его водой, вливая въ ротъ по каплямъ какой то холодный напитокъ. На мгновеніе онъ очнулся, открылъ глаза, болѣзненно осмотрѣлся и, не проронивъ ни одного звука, заснулъ. Затѣмъ, по очереди, понесли, а кто могъ ходить пошли и другіе раненые для перевязки. У выздоравливающихъ перевязка совершалась въ самой палатѣ. Тяжело и грустно стало мнѣ на душѣ, глядя на людскія раны и страданія несчастныхъ жертвъ войны, и я вышелъ съ баржи на берегъ подышать свѣжимъ воздухомъ, гдѣ и оставался до обѣда. Въ день отъѣзда я былъ приглашенъ къ общему столу. Главный врачъ, его помощникъ и всѣ сестры каждодневно обѣдали особо, всѣ вмѣстѣ, въ специальной комнатѣ, приспособленной на баржѣ подъ столовую. Поблагодаривъ врачей и сестеръ за ихъ внимательный и сердечный уходъ за больными и ранеными, безъ различія чиновъ и служебнаго положенія, что въ глазахъ солдата чрезвычайно важно, я особенно отнесся съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности къ сестрѣ Маріи Ильинишнѣ Шевцовой, приставленной ко мнѣ на все время пребыванія моего въ лазаретѣ Кубанскаго Краснаго Креста.

Послѣ обѣда, простившись съ больными офицерами, съ врачами и сестрами милосердія, я отправился на вокзалъ, увозя съ собой сильный бронхитъ и лихорадку. Въ послѣдніе дни моего пребыванія на баржѣ, дни, и особенно ночи, были очень прохладны, и неудивительно, что многіе больные и раненые простужались, въ томъ

числѣ и я, но оставаться изъ за такихъ пустяковъ въ лазаретѣ, я признавала неудобнымъ. Врачи снабдили меня на всякій случай хиной.

Харбинскій вокзалъ, или, вѣрнѣе, вся примыкающая и окружающая его рельсовая площадь носила особенно оживленный, лихорадочный характеръ. Частые санитарные поѣзда то и дѣло подвозили раненыхъ и больныхъ съ Юга. На площадкѣ, у подъѣзда вокзала, собралось до сотни подводъ Краснаго Креста и множество санитаровъ съ носилками, эвакуировавшихъ раненыхъ. Среди громаднаго числа празднаго люда всякаго наименованія, здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаете членовъ эвакуаціонной комисіи, докторовъ, сестеръ милосердія, работавшихъ не покладая рукъ. Надъ этой толпой разношерстнаго люда, шумѣвшаго, галдѣвшаго, среди повозокъ, лошадей и носилокъ, стоялъ какой то оглушительный, несмолкаемый гулъ, который покрывалъ собой стоны раненыхъ и приказанія врачей. Казалось, что это какой то обширный и многлюдный базаръ, гдѣ каждый оралъ во всю глотку, заманивая къ себѣ покупателя. Ржаніе и топотъ лошадей, стукъ колесъ о булыжную мостовую, свистки маневрирующихъ паровозовъ — все это послѣ тихой и покойной жизни на баржѣ, меня настолько ошеломило, что я приказалъ извозчику остановиться, не вѣзжая на площадку, и послалъ человѣка узнать, что тутъ творится. Посланный возвратился съ докладомъ, что это всегда тутъ бываетъ такъ, когда привозятъ раненыхъ.

Наконецъ, сквозь эту толпу, заполнявшую вокзальную площадку, я вошелъ въ залъ вокзала. Сначала я не могъ понять, куда я попалъ: въ залѣ, сравнительно небольшомъ и не особенно свѣтломъ, стоялъ какимъ то густымъ облакомъ такой табачный дымъ, что, не смотря на то, что я и самъ курильщикъ, я невольно раскашлялся. Я очутился въ толпѣ какого то празднаго, веселаго, подвыпившаго люда, большинство котораго, за недостаткомъ мѣсть, стояло почти вплотную. Тутъ были младшіе представители всѣхъ родовъ оружія, китайцы, штатскіе и какія то дамы. Кюстюмъ самый разнообразный: мундиры, тужурки, кителя, шинели, полушубки, шведскія куртки, папахи бѣлыя, черныя, бурья; фуражки разныхъ околышей и цвѣтовъ; поддевка, штатскіе пиджаки, длиннополые кафтаны, видимо подрядчиковъ, китайскіе шелковые халаты и роскошные туалеты «этихъ дамъ» любительницъ сильныхъ ощущеній и крѣпко набитыхъ кармановъ. Среди табачнаго дыма и насыщеннаго спиртомъ, потомъ, овчиной и запахомъ смазныхъ са-

погъ-воздуха, «эти дамы», съ ихъ намазанными лицами, причудливыми прическами и развязными не въ мѣру манерами, казались какими то отвратительными фуриями. Онѣ совершенно безцеремонно держали себя съ мужчинами, хихикали, смѣялись, подмигивали и кокетничали съ корнетами и эстандартъ-юнкерами, которые охотнѣе чѣмъ другіе, отвѣчали ихъ заигриваніямъ. Эта вся толпа, неподвижно стоявшая, почти вплотную, зорко выслѣживала, не освободится ли гдѣ мѣсто за общимъ столомъ, или за отдѣльными столиками. Наконецъ глазъ мой приглядѣлся настолько, что я могъ свободно, не смотря на густое облако табачнаго дыма, рассмотреть и сидящихъ за столами. Среди нихъ, къ великому моему удовольствію, я встрѣтилъ одного изъ моихъ бывшихъ подчиненныхъ по службѣ въ Варшавскомъ Округѣ офицера, нынѣ чиновника интендантскаго вѣдомства, служащаго въ Харбинѣ, который любезно предложилъ мнѣ свое мѣсто за столомъ. Случайно въ полку онъ сломалъ себѣ ногу, къ строевой службѣ оказался негоднымъ, а потому въ чинѣ поручика пришлось перейти въ интенданство. Изъ Варшавы, по наряду начальства, онъ былъ отправленъ на службу въ Харбинъ. Онъ мнѣ рассказалъ, что присутствующіе здѣсь люди не отъѣзжающіе пассажиры, а служащіе въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, или прикомандированные къ штабамъ и разнымъ командамъ въ Харбинѣ расположеннымъ. Сборища эти на вокзалѣ бываютъ каждый день: тянетъ ихъ сюда скука и бездѣлье. Тутъ узнаются всѣ новости съ театра войны, тутъ фабрикуются всѣ сплетни, тутъ смѣло каждый судить и критикуетъ дѣйствія намѣстника и командующаго арміей, тутъ прожигается жизнь, подсчитываются барыши подрядчиковъ и прочихъ поставщиковъ всякаго рода продуктовъ на армію, тутъ пропиваются сотни, а можетъ быть и тысячи рублей въ день, легко наживаемыхъ подрядами и поставками, тутъ «этими дамами» намѣчаются жертвы для удовлетворенія ихъ чудовищной страсти къ наживѣ, и при ихъ любезномъ содѣйствіи въ тыловыхъ учрежденіяхъ насаждается и поддерживается сифились. Мнѣ стало грустно и тяжело глядѣть на эту праздную, пьянствующую, полную жизни и энергіи молодежь, когда тамъ на югѣ, ихъ боевые товарищи ежеминутно подвергаютъ жизнь свою опасности, неся тяжелую службу, подрывающую ихъ нравственныя и физическія силы. Сколько больныхъ, раненыхъ, изуродованныхъ, обреченныхъ на всю дальнѣйшую жизнь тянуть лямку инвалида, сколько обездоленныхъ семействъ, сколько несчастныхъ сиротъ, потерявшихъ своихъ отцовъ и кормильцевъ —

все это видно тутъ же на вокзальной площадкѣ, не говоря уже о госпиталяхъ, пріютившихъ въ своихъ стѣнахъ тысячи такихъ несчастныхъ. А тутъ, въ залѣ—разгуль, пьянство, развратъ.

Случайно встрѣченный мною на вокзалѣ мой собесѣдникъ былъ настолько внимательнымъ и любезнымъ ко мнѣ, что принялъ на себя трудъ переговорить съ комендантомъ станціи о предоставленіи въ мое распоряженіе отдѣльнаго купэ въ 1-мъ классѣ до Мукдена, распорядился переноской въ вагонъ моихъ вещей, устроилъ въ ближайшемъ вагонѣ 3-го класса сопровождавшаго меня чело-вѣка и, проводивъ меня въ вагонъ, пожелалъ мнѣ счастливаго пути и успѣховъ въ предстоящихъ бояхъ.

Тутъ, кстати, одно замѣчаніе. Передъ выпиской изъ лазарета меня смущалъ и тяготилъ одинъ вопросъ: куда мнѣ ѣхать и гдѣ искать дивизию. Но къ моему благополучію этотъ вопросъ разрѣшился своевременно. За нѣсколько дней до выписки прибыли въ Харбинъ по дѣламъ службы и были у меня на баржѣ завѣдывающій хозяйствомъ 121-го пѣх. Пензенскаго полка подполковникъ Молчановъ и писарь штаба 31-й пѣх. дивизіи. Послѣдній привезъ мнѣ пачку писемъ и телеграмъ, присланныхъ мнѣ черезъ штабъ дивизіи изъ Россіи. Отъ нихъ узналъ, что штабъ корпуса стоитъ къ ю.-з. отъ Мукдена за рѣкой, въ д. Багаджоу, а штабъ дивизіи къ югу отъ Мукдена, по Мандаринской дорогѣ, къ дер. Хун-хе-пу. Обозы въ тылу въ 20-ти верстахъ. Черезъ писаря я распорядился о высылкѣ мнѣ своевременно, на Мукденскій вокзалъ, для переѣзда на позицію, моего экипажа и двуколки подъ вещи.

Ровно въ 10 часовъ 40 минутъ вечера поѣздъ двинулся на югъ. Въ Мукденъ я прибылъ въ 6 часовъ утра 13-го сентября, пробывъ въ дорогѣ три ночи и два дня. Въ 8 часовъ утра я прибылъ въ пунктъ расположенія штаба дивизіи, въ д. Хун-хе-пу, переѣхавъ черезъ р. Хунхе по понтонному мосту. По прибытіи на мѣсто я немедленно донесъ командиру корпуса генераль-лейтенанту Случевскому о моемъ выздоровленіи и получилъ отъ него приказаніе ознакомиться съ укрѣпленной позиціей на лѣвомъ берегу р. Хунхе, и съ распоряженіями по оборонѣ этой позиціи.

Личный составъ старшихъ начальниковъ въ дивизіи отсутствовалъ: командиры бригадъ были больны. Командиръ 1-й бригады г.-м. Чижевичъ былъ эвакуированъ въ Харбинъ въ Дворянскій госпиталь, командиръ 2-й бригады г.-м. Васильевъ—былъ боленъ, но гдѣ пользовался въ дневникѣ указаній нѣтъ. Командиры полковъ 1-й бригады, раненые въ предыдущихъ бояхъ, были эвакуи-

рованы въ Харбинѣ: Пензенскаго полка полковникъ Марковъ пользовался въ Елизаветинской общинѣ, а Тамбовскаго—полковникъ Клембовскій—въ госпиталѣ графа Шувалова. Командиръ Козловскаго полка полковникъ Меликовъ, пропалъ безъ вѣсти. На лицо находился только полковникъ Ржеснёвецкій, командиръ Воронежскаго полка, которому поручено было временное командование 2-й бригадой. Разслѣдованіе о полковникѣ Меликовѣ, пропавшемъ безъ вѣсти, не привело ни къ какимъ результатамъ и мало выяснило это трагическое исчезновеніе съ поля сраженія командира полка. По собраннымъ свѣдѣніямъ, путемъ опроса нижнихъ чиновъ, выяснилось лишь то, что въ густомъ гаолянѣ онъ былъ раненъ; солдатикъ, видѣвшій это, хотѣлъ вынести его, но такъ какъ одному сдѣлать это было трудно, да, вѣроятно, для раненаго и весьма болѣзненно, то солдатикъ, съ разрѣшенія раненаго полковника Меликова, пошелъ за носилками и за людьми; прибывшая помощь (санитары съ носилками) заблудились въ гаолянѣ, и люди не могли найти своего командира. Что съ нимъ сдѣлалось—неизвѣстно. Были опрошены всѣ госпитали, лазареты, учрежденія Краснаго Креста,—но всѣ дали отзывъ, что полковникъ Меликовъ у нихъ на излеченіи не состоитъ.

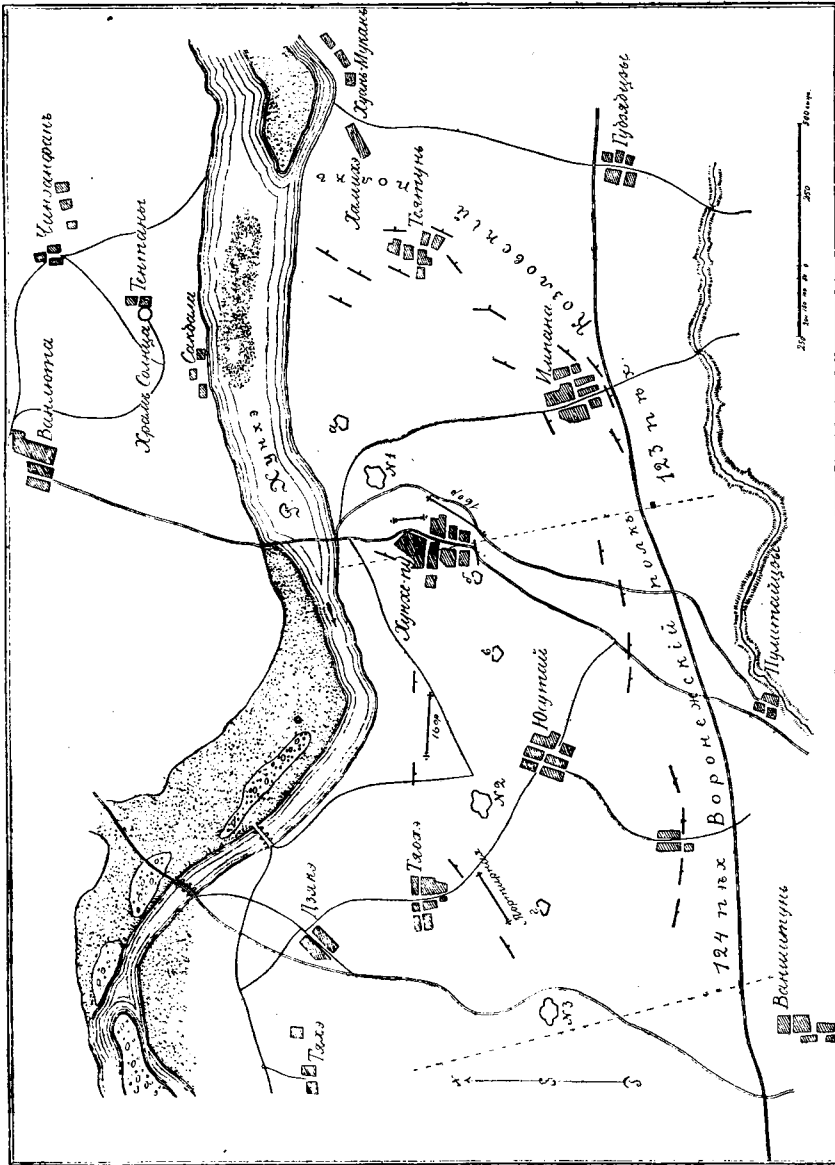
Наличный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (строевыхъ), въ день моего прибытія изъ Харбина, выражается въ слѣдующей таблицѣ:

	На лицо:	
	Офицеровъ.	Нижн. чин.
121-го пѣх. Пензенскаго полка . .	51	2,494
122-го пѣх. Тамбовскаго полка . .	47	2,247
123-го пѣх. Козловскаго полка . .	39	2,545
124-го пѣх. Воронежскаго полка .	40	2,567
31-й арт. бригады.	40	свѣдѣніе не доставлено.
Всего	217	9,853

13-го сентября я осмотрѣлъ лѣвый участокъ позиціи, занятый частямъ Козловскаго полка; 14-го сентября объѣзжалъ позицію Воронежскаго полка, а 15-го сентября тыловую позицію на правомъ берегу р. Хунхэ. Полки 1-й бригады составляли авангардъ корпуса и были выдвинуты на позицію къ д. Хуань-шань.

Укрѣпленная для 10-го арм. корпуса позиція была избрана на лѣвомъ берегу широкой, глубокой, хотя и съ песчанными отмелями, рѣки Хунхэ. Правый участокъ позиціи занимала 9-я пѣхот-

ная дивизія, а лѣвый былъ назначенъ для 31-й дивизіи. Мы остановимся въ своемъ описаніи исключительно только на лѣвомъ



Мукуденская укрѣпленная позиція на р. Хунхэ.

участкѣ. Въ центрѣ позиціи, въ полуверстѣ отъ рѣки Хунхэ, расположена обширная китайская д. Хунхэ-пу, изъ которой ведетъ хорошая, широкая дорога къ рѣкѣ, а далѣе, по мосту, къ Мукудену. Позиція расположена на ровномъ, низменномъ плато, упираясь

лѣвымъ флангомъ въ рѣку Хунхэ, а правымъ примыкаетъ къ участку 9-й дивизіи; фронтомъ упирается въ вѣтку желѣзной дороги, идущей отъ главной линіи къ востоку на д. Импань. Радиусъ отъ центра, т. е. отъ моста до окружности двѣ версты, протяженіе по фронту—около 6 верстѣ. На позиціи возведены 3 редута (№№ 1, 2 и 3) и 4 люнета (а, б, в и г), обнесенные двумя рядами волчьихъ ямъ и проволочными загражденіями. Для стрѣлковъ устроены закрытія отъ шрапнельнаго огня. Въ центрѣ, на южной окраинѣ въ дер. Хунхепу, возведена батарея на 16 орудій; такая же батарея поставлена позади и между люнетомъ в. и редутомъ № 2, а также между редутомъ № 2 и люнетомъ г. Передъ фронтомъ этой позиціи отъ самага берега рѣки до полотна и вдоль по полотну желѣзной дороги построены ложементы для пѣхоты.

Впереди редутовъ и люнетовъ, непосредственно впереди второго ряда волчьихъ ямъ, заложены самовзрывные фугасы по 10 зарядовъ передъ каждымъ укрѣпленіемъ. Для обслуживанія фугасовъ на каждомъ укрѣпленіи была поставлена команда подрывниковъ-саперъ въ 6 чел. Для обозначенія фугасовъ на мѣстѣ каждаго фугаса былъ устроенъ шалашъ изъ гаоляна конусообразной формы. Всѣ фугасы охранялись часовыми, которые обязаны были: не допускать никого къ шалашу и самому не входить въ шалашъ, а въ случаѣ полома шалаша, отнюдь не исправлять его, а докладывать разводящему, который въ свою очередь докладываетъ старшему подрывнику изъ команды, обслуживающей фугасы на укрѣпленіи. При первыхъ выстрѣлахъ по укрѣпленію, когда комендантъ укрѣпленія найдетъ необходимымъ, часовые снимаются, о чемъ сообщается старшему подрывнику изъ подрывной команды въ укрѣпленіи, который сейчасъ же снимаетъ шалашъ съ фугасовъ и маскируетъ мѣста ихъ. По окончаніи боя, при переходѣ въ наступленіе, или при очищеніи укрѣпленій гарнизономъ при отступленіи, по приказанію комендантовъ, подрывники дѣлаютъ самовзрывные фугасы безвредными, вынимая самодѣйствующія приспособленія. Эти указанія, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, считалось обязательнымъ знать всѣмъ чинамъ гарнизона, занимавшимъ укрѣпленія.

Сверхъ изложенныхъ выше мѣръ, оборона позиціи была усилена обстрѣломъ подступовъ къ ней съ праваго берега р. Хунхэ, для чего за лѣвымъ флангомъ выбрана позиція для сильной артиллеріи резерва. Для непосредственной обороны укрѣпленной позиціи назначался 10-й арм. корпусъ, а ближайшимъ резервомъ къ нему на правомъ берегу рѣки—17-й арм. корпусъ.

Въ основу идеи возведенія укрѣпленной позиціи положена была та мысль, что если бы до полного изготовленія нашего къ переходу въ наступленіе, что было рѣшено окончательно привести въ исполненіе въ недалекомъ будущемъ, японцы предупредили бы насъ и сами перешли въ наступленіе, то командующій арміей рѣшилъ дать имъ отпоръ на позиціяхъ у Мукдена и затѣмъ перейти въ наступленіе. Такимъ образомъ бой у Мукдена является исходнымъ событіемъ для перехода нашей арміи въ наступленіе и, дабы облегчить таковое, необходимо, чтобы японцы возможно больше потерпѣли урона, какъ при наступленіи къ Мукдену, такъ и при самой атакѣ Мукденской укрѣпленной позиціи. Для развѣдокъ и освѣщенія впереди лежащей мѣстности были высланы сильные кавалерійскіе отряды, которые, въ случаѣ надобности, могли всегда опереться на авангарды. Само собой разумѣется, авангарды обязывались оказывать коннымъ отрядамъ самое широкое содѣйствіе въ смыслѣ поддержки развѣдки конницы пѣхотными частями, хотя бы охотничьими командами. При переходѣ же японцевъ въ наступленіе авангардамъ и коннымъ отрядамъ ставилась общая цѣль задерживать противника возможно дольше и возможно болѣе разстроить его, не доводя боя до обхода или охвата себя противникомъ.

Въ случаѣ отступленія авангардовъ подъ натискомъ противника, конные отряды обязывались усилить всѣми мѣрами развѣдку противника какъ на флангахъ, такъ и на фронтѣ, не исключая и дѣйствій въ тылъ наступающему противнику. Уходить на правый берегъ р. Хунхэ конницѣ рекомендовалось не торопиться, а предлагалось лишь тщательно изучить рѣку, намѣтивъ себѣ броды или пункты для переправы вплавь, чтобы не быть припертой къ рѣкѣ.

Въ исполненіе приведенныхъ выше общихъ директивъ, командиръ корпуса приказалъ лѣвому авангарду (1 бригады 31-й дивизіи), подъ напоромъ превосходныхъ силъ отходить на укрѣпленную позицію, гдѣ одинъ полкъ съ батареей, изъ состава этого авангарда, выдѣлится въ общій резервъ укрѣпленной позиціи къ д. Тахэ, а другой полкъ съ батареей и $\frac{1}{2}$ сотней казаковъ оставить въ распоряженіи начальника авангарда и самому принять начальствованіе надъ лѣвымъ участкомъ укрѣпленной позиціи, отъ половины промежутка между редутомъ № 3 и люнетомъ г. до рѣки Хунхэ, который занять отрядомъ въ составѣ 3-хъ полковъ 31-й пѣх. дивизіи, 4-хъ батарей 31-й арт. бригады, 2-хъ батарей 5-го мортирного

полка, одной сотни 1-го Оренбургскаго казачьяго полка и 1 роты 6-го сапернаго баталіона.

Занятіе праваго участка укрѣпленной позиціи возлагалось на 9-ю дивизию, изъ состава котораго выдѣлялось 4 баталіона (2 баталіона Сѣвскаго и 2 баталіона Орловскаго полковъ) въ общій резервъ укрѣпленной позиціи.

Мосты на рѣкѣ Хунхэ были распредѣлены такъ: №№ 1, 2 и 3—31-й пѣх. дивизіи, №№ 4, 5 и желѣзнодорожный—9-й пѣх. дивизіи.

Въ виду приведенныхъ выше указаній командира 10-го арм. корпуса, я отдалъ распоряженіе, что если бы подъ напоромъ превосходныхъ силъ противника лѣвому авангарду приходилось отходить на укрѣпленную позицію, двумъ баталіонамъ Пензенскаго полка поступить въ распоряженіе командира Козловскаго полка и стать у дер. Хунхе-пу; другимъ двумъ баталіонамъ того же полка поступить въ распоряженіе начальника дивизіи и расположиться у д. Тяохе; Тамбовскій полкъ съ 7-й батареей 31-й арт. бригады долженъ былъ поступить въ общій резервъ укрѣпленной позиціи и стать у дер. Тахе. Полусотня казаковъ и рота 6-го сапернаго баталіона должны были присоединиться къ частному резерву у дер. Тяохе, а первая батарея 31-й арт. бригады—направиться въ д. Хунхе-пу и поступить въ распоряженіе полковника Косинскаго.

Затѣмъ лѣвый боевой участокъ укрѣпленной позиціи былъ раздѣленъ на два участка: лѣвый—отъ рѣки Хунхэ до линіи, проходящей отъ моста на Мандаринской дорогѣ черезъ желѣзно-дорожную будку на вѣткѣ предназначался Козловскому полку, а правый—отъ праваго фланга Козловцевъ до лѣваго фланга 9-й дивизіи—Воронежскому полку.

15-го сентября, исполнивъ возложенное на меня командиромъ корпуса порученіе по ознакомленію съ укрѣпленной Мукденской позиціей, я получилъ предписаніе отправиться въ д. Хуань-шань, гдѣ вступить въ командованіе авангардомъ корпуса, а генералъ-майору Рябинкину предложить прибыть въ штабъ корпуса.

16—20 сентября. Отъ Мукдена до Хуаньшаня открытая низменная равнина, но, подъѣзжая къ Хуаньшаню, характеръ мѣстности рѣзко измѣняется: сначала холмы, а затѣмъ сопки и горы дѣлаютъ окружающую мѣстность очень живописной. Но дорога отвратительная, особенно первая половина, мѣстами даже безъ слѣдовъ колеснаго пути. По сторонамъ тянутся перелѣски и обширныя поля гаоляна и чумизы, частью уже снятыхъ, частью еще на

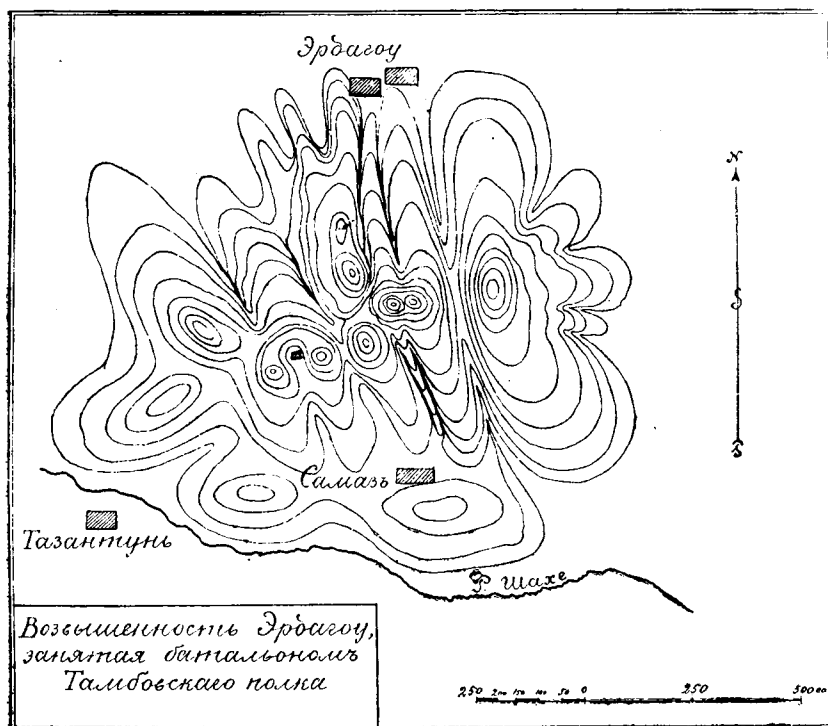
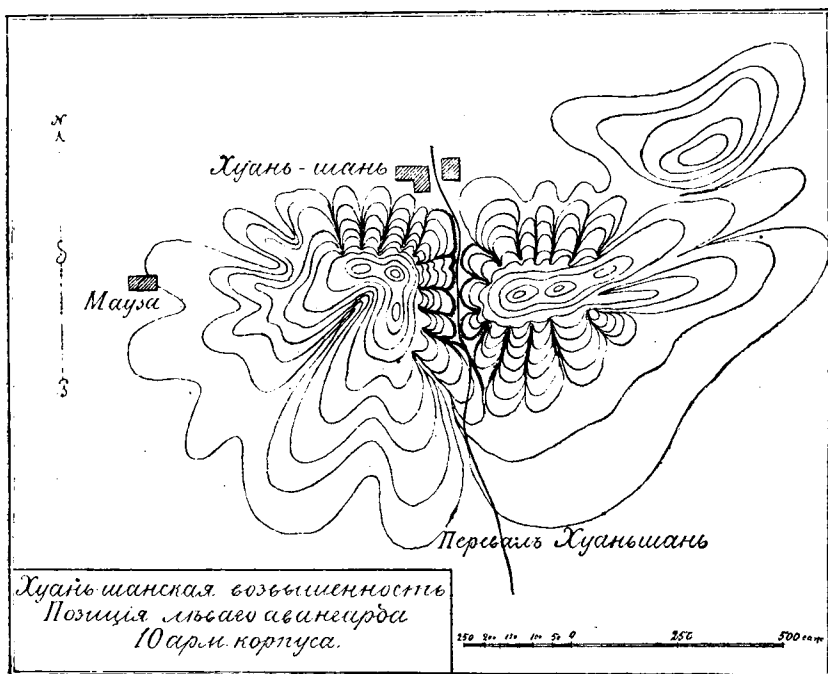
корнѣ. Кое-гдѣ видны группы деревьевъ, кои обыкновенно служатъ указаніемъ на присутствіе тутъ могилъ. Въ поляхъ много китайцевъ и другого подозрительнаго, праздношатающагося люда. Мнѣ рассказывали, что нѣсколько дней назадъ на этой дорогѣ былъ избитъ, израненъ и ограбленъ офицеръ Козловскаго полка, который ѣхалъ одинъ изъ Мукдена, имѣя при себѣ 800 руб. Китайцы напали на него, ранили его собственнымъ револьверомъ и отняли деньги. Случайно проѣзжающими казаками онъ былъ найденъ и отправленъ въ лазаретъ. Достоверность этого рассказа мнѣ проверить не удалось. Нужно замѣтить, что послѣ Ляоянскихъ боевъ китайцы пріободрились, начали зазнаваться и недвусмысленно высказывать свои симпатіи японцамъ.

Деревня Хуаньшань раскинулась на сѣверныхъ скатахъ Хуаншаньскаго хребта, по обѣ стороны дороги, ведущей къ рѣкѣ Хунхэ. Посрединѣ переваль того же имени, раздѣляющій позицію почти на двѣ равныя части. Кстати здѣсь упомянуть, что этотъ переваль, проходящій по глубокому ущелью, среди изрытыхъ водою лѣщицъ, по отвратительному вязкому глинистому грунту, нельзя было считать особенно удобнымъ для нашихъ тяжелыхъ, громоздскихъ, широко-колейныхъ повозокъ. Неудовлетворительность этого перевала, какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ чувствовалась въ распутицу, когда, послѣ дождей, грунтъ дѣлался вязкимъ. Позже, когда выяснилась неудача наступательной операціи, и предусматривалась возможность отступления, переваль этотъ, насколько позволяли мѣстныя условія, былъ приведенъ въ порядокъ нашими саперами.

Хуаншаньская позиція состояла изъ цѣлаго ряда рѣзко возвышающихся сопокъ съ крутыми обрывами, ущельями и оврагами между ними и съ пологими скатами къ западу и востоку. Въ верстахъ трехъ южнѣе, у д. Эрдагоу, такая же возвышенность, съ которой представлялся обширный кругозоръ къ югу.

Авангардъ занялъ позицію слѣдующимъ образомъ: Пензенцы—западный участокъ до перевала, Тамбовцы—восточный. Одинъ баталіонъ этого полка былъ назначенъ въ передовой отрядъ и сталъ на сопкахъ Эрдагоу.

Два баталіона Пензенцевъ и одинъ баталіонъ Тамбовцевъ составили общій резервъ авангарда. Позиція была укрѣплена рядомъ пѣхотныхъ ложементовъ и закрытій для артилеріи. Укрѣпленія обстрѣливали подступы со стороны Эрдагоу и были такъ хорошо маскированы, что даже въ лучшій бинокль нельзя было разсмо-



трѣть ихъ съ горы Эрдагоу. На позиціи стояли дежурныя части, а отрядъ расположился бивакомъ у д. Хуаньшань.

Штабъ занялъ фанзу, въ которой, кстати сказать, обитало много насѣкомыхъ, особенно черныхъ таракановъ.

За время пребыванія въ Хуаньшань, въ ожиданіи предстоящихъ военныхъ дѣйствій при переходѣ арміи въ наступленіе, полкамъ пришлось много поработать и привести въ порядокъ свое хозяйство.

Первая забота была направлена къ приведенію въ порядокъ оружія, орудій, снаряженія, мундирной одежды и обуви. Патроны какъ возимые, такъ и носимые на людяхъ были пополнены. Точно также и продовольственные запасы какъ на людяхъ, такъ и въ ротныхъ повозкахъ были на лицо полностью. Походныя кухни осмотрѣны, гдѣ нужно было исправлены, двуколки тоже. Нужный матеріалъ для этихъ работъ пріобрѣтался въ Мукденѣ.

Гурты скота были пополнены. Въ ближайшемъ распоряженіи части имѣлись гурты скота на 9 дней; расходъ пополнялся изъ запаса, слѣдовавшаго въ тылу, съ обозомъ; весь скотъ сытый, крупный, монгольской породы. Вообще, мяснымъ продовольствіемъ части были обеспечены прекрасно, и никогда недостатка или нужды въ мясѣ не ощущалось. Пріученные опытные рѣзники справлялись съ своимъ дѣломъ прекрасно, и мясо въ должныхъ количествахъ своевременно доставлялось въ роты.

Войска были предупреждены, что при движеніи впередъ можетъ встрѣтиться недостатокъ въ продовольственныхъ продуктахъ, первой даже необходимости, вслѣдствіе трудности подвоза; поэтому придется довольствоваться мѣстными продуктами, къ которымъ нашъ солдатъ не привыкъ. Къ числу такихъ продуктовъ относится, между прочимъ, китайскій бобъ, родъ фасоля. Бобъ этотъ, вареный въ водѣ, безъ соли, представляетъ хорошую и питательную пищу, которая до нѣкоторой степени можетъ замѣнить хлѣбъ, а бобы, положенные въ супъ, или щи, придаютъ имъ пріятный вкусъ, а вслѣдствіе большого процентнаго содержанія въ бобахъ масла — и наваръ. Чтобы втянуть солдатъ въ эту пищу, командиръ корпуса приказалъ уменьшить на $\frac{1}{2}$ фунта дачу хлѣба въ день, а замѣнить хлѣба отпускать $\frac{1}{2}$ фунта бобовъ. Затѣмъ приказано испытать бобы, какъ приправу къ супу или щамъ, считая на человѣка по 4 зол. Варку бобовъ рекомендуется дѣлать не въ соленой водѣ и варить не болѣе $1\frac{1}{2}$ часа, когда бобъ дѣлается мягкимъ, сохраняя эту мягкость и не развариваясь, какъ русскій горохъ или фа-

соль отъ болѣе продолжительной варки—до 4—5 часовъ. Пробовалъ эту пищу почти каждый день, и мнѣ она очень нравится, хотя по отзыву солдатъ имѣ она пришлась не по вкусу; были заявленія, что бобы вызываютъ расстройство желудка. Такой же отзывъ даютъ и офицеры. Здѣсь кстати замѣтить нерасположеніе нашего солдата къ гороху вообще, хотя этотъ продуктъ рекомендуется нормальной раскладкой и врачами.

За отсутствіемъ русской крупы намъ приходится ѣсть китайскую крупу-чумизу; это нѣчто похожее на наше пшено. Каша изъ чумизы, хорошо сваренная, вполне напоминаетъ пшеничную кашу, и мы ѣли ее съ удовольствіемъ.

Громадную пользу приносилъ войскамъ другой китайскій продуктъ — это гаолянъ. Обширныя гаоляновыя поля попадаются всюду: онъ достигаетъ 4-хъ аршинной высоты и скрываетъ не только пѣшаго человѣка, но и коннаго всадника. Гаоляновая крупа, растущая въ видѣ большого пучка на корнѣ стебля, хорошо сваренная, вполне замѣняла гречневую кашу. Листъ шелъ на кормъ скоту и лошадямъ съ такимъ же успѣхомъ какъ и чумизная солома, а стволы и корни, очищенные отъ земли, шли на топливо. О русской капустѣ и гречневой кашѣ, этомъ національномъ нашемъ продуктѣ, здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Въ Харбинѣ, впрочемъ, завелись русскіе огородники, которые разводятъ наши овощи: капусту, бураки, салатъ, огурцы и проч. Тамъ, на баржѣ «Кубанецъ», больнымъ подавали русскіе щи и малороссійскій борщъ, а разъ даже салатъ изъ красной капусты.

Въ чемъ войска нуждались, такъ это въ шанцевомъ инструментѣ. Его вообще полагается небольшое количество въ ротахъ, а за время предшествовавшихъ боевъ и маршей, значительная часть его была утрачена. Къ тому же нельзя не признать, что наша носимая лопата, при твердости мѣстнаго грунта, не рѣдко каменистаго, особенно въ горахъ, не приносила существенной пользы. При самоокапываніи и укрѣпленіи позиціи войска большей частью пользовались большими лопатами, кирками и даже ломami, возимыми въ повозкахъ полкового обоза.

Помимо хозяйственныхъ заботъ, въ частяхъ авангарда было обращено особенное вниманіе ротныхъ командировъ внѣдрить и укрѣпить въ сознаніи людей нѣкоторыя тактическіе приемы при веденіи боя. Наша маневренная тактика, съ которой мы явились на войну, оказалась негодной въ борьбѣ съ японцами, и намъ, въ концѣ концовъ, пришлось учиться у нихъ и заимствовать ихъ так-

тические приемы. Командующий армией обратил внимание на то, что наша тактическая подготовка не соответствует ни современному состоянию дальнобойного оружия, ни местным условиям, ни характеру противника, с которым нам пришлось вступить в состязание. В целом ряд указаний, обязательных для всех частей Маньчжурской армии, командующий армией обращал внимание всех начальников до ротных командиров включительно на необходимость применения более рациональных приемов ведения боя, причем, не стесняясь, рекомендовал тактические приемы, усвоенные японцами. Из этих указаний мы приведем лишь те, которые относятся до ведения боя пехотой.

Мы наступали в большинстве случаев густыми стрелковыми цепями, за которыми слишком близко следили поддержки и резервы, так что весь боевой порядок представлял прекрасную цель для неприятельской пехоты и артиллерии. Если бы такой порядок применялся перед ударом в штыки, то, не смотря на все жертвы, он соответствовал бы цели. Но мы принимали такой порядок и действовали в нем еще в нескольких верстах от противника. В результате мы несли тяжелые потери совершенно бесполезно. Поэтому командующий армией рекомендует принять способ, практикуемый японцами, а именно: надо принимать все меры к укрытому от огня противника расположению, хорошо ознакомиться с впереди лежащей местностью и пользоваться при наступлении каждой складкой местности, каждым местным предметом, дабы передвинуть туда наступающие части с возможно меньшими потерями. Лучшее для этого средство — перебьжки одиночными людьми и группами в несколько человек и постепенное «накапливание» наступающей части; при открытой местности и благоприятном грунте, если наступление приостанавливается с целью выждать результата артиллерийской подготовки, — наступающие части должны быстро окопаться.

Отступление точно также производилось одновременным отходом всего боевого порядка, что представляло отличную цель для противника. Были случаи, что из опасения больших потерь при отступлении, войска упорно задерживались на некоторых участках позиций, чтобы отойти лишь при наступлении темноты. Теперь напоминает, что необходимо применять отступление и днем, пользуясь тем же приемом, который указан выше для наступления, т. е. не двигать назад целые сомкнутые части, а отходить небольшими группами, пользуясь местностью и устраивая войска в

такихъ складкахъ, или за такими мѣстными предметами, которые недоступны, или мало доступны наблюденію и обстрѣлу со стороны противника.

Командующій арміей не безъ заслуженнаго упрека обращаетъ вниманіе на неумѣлыя назначенія, примѣненіе и пользованіе прикрытіемъ въ артилеріи; выставлялись батареи изъ значительнаго числа орудій съ весьма слабымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ, которое располагалось лишь на одномъ флангѣ батареи; но что печально, — это неисполненіе прикрытіемъ своего долга — умереть, но не отдать противнику порученныхъ ихъ охранѣ орудій. Теперь отдано приказаніе охраняющія артилерію роты подчинить командирамъ батарей. При расположеніи батарей на укрѣпленныхъ позиціяхъ помѣщать роты прикрытія въ хорошо защищенныхъ укрѣпленіяхъ, а передъ батареями устраивать искусственныя препятствія. Съ передовыхъ позицій, которыя не предполагено защищать упорно, разрѣшается на ночь батареи отводить назадъ.

Продолжительное сидѣніе на Хуаньшаньской позиціи, безъ тревогъ и тревоженій, вдали отъ непріятели, дало возможность ротамъ практически заняться организаціей сигнализаци. У японцевъ это дѣло поставлено прекрасно: они знаютъ все, что дѣлается у насъ. Въ этомъ имъ оказываютъ громадную пользу китайцы. Приходилось наблюдать, какъ во время боя гдѣ нибудь въ сторонѣ, преимущественно на сопкѣ, нѣсколько китайцевъ, а можетъ быть и переодѣтыхъ японцевъ, флагами сигнализируютъ не только о движеніи нашихъ войскъ, но даже о перелетахъ и недолетахъ ихъ артилерійскихъ снарядовъ. Сначала мы церемонились съ этими предателями и явными шпионами, но потомъ стали по нимъ стрѣлять. Трудность управленія частями въ бою и печальные случаи недоразумѣній, когда за дальностью разстоянія артилерія, а иногда и пѣхота, стрѣляли по своимъ, а также важность быстрого полученія донесеній о дѣйствіяхъ противника на полѣ сраженія, принуждаютъ изыскивать средства, облегчающія хотя отчасти эти трудности. Съ этой цѣлью распоряженіемъ по 10 арм. корпусу (приказъ 1904 г. № 177) приказано завести національные флаги: въ каждомъ баталіонѣ по одному, размѣромъ 32×48 вершковъ, а въ каждой ротѣ: четыре, размѣрами 8×12 вершковъ, два—12×16 вершковъ, одинъ—16×24 верш., одинъ—24×32 верш.

Флаги эти должны быть безъ древокъ, но съ придѣланной къ нимъ тонкой веревкой для привязыванія къ ружью. Въ бою, какъ только рота, или баталіонъ мѣняютъ мѣсто, сейчасъ же выбрасы-

вать флаги тѣхъ размѣровъ, кои по разстоянію могутъ быть, безъ сомнѣнія усмотрѣны другими нашими войсками, но такъ, чтобы они не были, по возможности, видны противнику.

Особая инструкція для сигнализаціи флагами во время боя, приложенная къ приказу по корпусу отъ 10-го сентября 1904 г. за № 186, устанавливала условные знаки.

Флаги были заведены. Нужный матеріалъ нашелся въ Мукденѣ. Первые опыты указали непрактичность и сложность системы. Но нимъ можно было судить, что это дѣло мертворожденное и что на немъ поставленъ крестъ. Въ дальнѣйшихъ бояхъ намъ не приходилось наблюдать примѣненія этой сигнализаціи, да, наконецъ, и флаги были растеряны, чему, конечно, можно было только порадоваться, такъ какъ эта малообдуманная и скороспѣлая сигнализациа могла привести къ нежелательной путаницѣ во время боя. Вносимъ это примѣчаніе именно здѣсь, а не позже, такъ какъ съ первымъ свистомъ пуль о флагахъ такъ же легко всѣ забыли, какъ легко ихъ создали.

Между тѣмъ нельзя не признать, что вопросъ о сигнализаціи—вопросъ большой важности. Вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ по инициативѣ частныхъ начальниковъ, хотя бы и для корпуса, но долженъ быть общимъ, для всѣхъ одинаково обязательнымъ, внимательно и всесторонне обдуманнымъ и обязательно усвоеннымъ въ мирное время, какъ и вопросы всякой другой спеціальности, примѣняемые на войнѣ. Можетъ быть къ слѣдующему боевому испытанію, путемъ мирной практики, выработается и усвоится войсками сигнализационный языкъ простой, ясный и удобопримѣнимый въ боевой обстановкѣ. Подумать объ этомъ не излишне.

21-го сентября 1904 года. Мы наканунѣ великихъ событій. Наша армія переходитъ въ наступленіе. Да благословитъ Господь успѣхомъ наше оружіе. Давно желанное наступленіе, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ отступленій, наконецъ, осуществляется. Да и пора приступить намъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, хотя и сознаемъ трудность этого дѣла, такъ какъ японцы проявляютъ чрезвычайную энергію, стойкость и упорство; жизнь для нихъ не имѣетъ никакой цѣны, потерь они не считаютъ, хотя уже въ Японіи объявленъ призывъ 40 лѣтнихъ мужчинъ. Напряженіе силъ у нихъ ужасное; голодуха, болѣзни и тяжелые налоги—этотъ страшный бичъ всякой войны,—въ самой Японіи вызываетъ неудовольствіе, а въ населеніи начинаются волненія. Все это признаки неблагоприятные для нашего противника.

У насъ, слава Богу, санитарное состояніе войскъ прекрасное, заразныхъ болѣзней нѣтъ; больные и раненые въ предыдущихъ бояхъ быстро оправляются и возвращаются въ свои части. Я испыталъ на себѣ, какое тяжелое чувство отчужденности испытываетъ человѣкъ случайно оторванный по болѣзни или за ранами отъ своей части въ госпиталь. Лишь только становится больному легче, его уже тянетъ въ свою боевую семью, тянетъ безотчетно къ своему знамени. Найдя свою часть (что, кстати замѣтить, довольно трудно) чувствуешь себя какъ бы дома, у близкихъ, родныхъ людей. Я искренно обрадовался, когда увидѣлъ моихъ сотрудниковъ по ратному дѣлу, мои войска, съ которыми былъ и снова буду въ бояхъ. То же чувство испытываетъ каждый офицеръ, каждый солдатъ. Ежедневно приходятъ команды выздоравливающихъ и пополняютъ ряды своихъ полковъ.

Сегодня по числу офицеровъ и солдатъ мы получили изъ корпуснаго штаба высланные отъ Императрицы Александры Феодоровны подарки, особо солдатамъ и особо офицерамъ, въ специально сдѣланныхъ для сего мѣшочкахъ. Офицерамъ выдается: теплая рубашка, кальсоны, 2 платка, табакъ, чай, сахаръ, почтовая бумага, конверты, мыло, кофе, бисквиты, лимонная кислота и др. мелочи. Нижнимъ чинамъ—попроще, приспособленные къ ихъ обиходу.

Одновременно получены для раздачи нижнимъ чинамъ Георгіевскіе кресты за бои съ 13-го по 21-е августа. Дано по 6 крестовъ на роту. За 18-е іюля выдано по три георгіевскихъ креста на роту. Такимъ образомъ, въ каждомъ полку дивизіи уже по 144 георгіевскихъ кавалеровъ.

Раздача Царскихъ подарковъ, георгіевскихъ крестовъ и чтеніе приказа о наступленіи назначено мною на завтра, при торжественной обстановкѣ, послѣ молебна.

Въ приказѣ по корпусу отъ 19-го сентября, о предстоящемъ наступленіи, между прочимъ объявляется войскамъ расположеніе противника. Передовыя части его заняли къ 15-го сентября линію дд. Чжантань, Тадусампу, Сан-опу, Ся-ліу-хедзы, Чанхизой. На флангахъ обнаружено: на правомъ—присутствіе незначительныхъ непріятельскихъ частей на лѣвомъ берегу р. Ляохе, а на лѣвомъ—около бригады пѣхоты противъ Долинскаго перевала. Главныя силы противника группируются слѣдующимъ образомъ:

До двухъ дивизій эшелонировано на линіи Сандепу, Хоуцям-пу.

До четырехъ дивизій находится въ районѣ дд. Чин-тай-цзы, Сахутунь-Ляоянь

До двухъ дивизій—у Янтайскихъ копей.

До двухъ дивизій эшелонировано на линіи Бань-ю-пуза, Бенциху.

Противникъ занимаетъ сильно укрѣпленныя позиціи. Маньчжурская армія переходитъ въ наступленіе съ цѣлью атаковать противника въ занимаемомъ имъ расположеніи, имѣя первоначальною цѣлью овладѣть правымъ берегомъ р. Тайцзыхе.

Далѣе, въ томъ же приказѣ говорится, что 10-й и 17-й арм. корпуса составляютъ Западный отрядъ, которому указано сосредоточиться на линіи р. Шахе для дальнѣйшаго наступленія по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна. Правѣ 10-го корпуса будетъ двигаться 17-й корпусъ; лѣвѣе—Восточный отрядъ въ составѣ 1, 2 и 3-го Сибирскихъ корпусовъ. Сзади насъ находится общій резервъ арміи въ составѣ 1-го армейскаго и 4-го Сибирскаго корпусовъ. Конный отрядъ генерала Мищенко, оставаясь первоначально передъ нашимъ фронтомъ, на второй день марша арміи сосредоточится у дер. Люфантунь.

10-му корпусу приказано произвести движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) лѣвый авангардъ.

Генераль-лейтенантъ Мау.

1-я бригада 31-й пѣх. дивизіи . . . 8 бат.
31-й арт. бригады 16 ор.
1-го Оренбург. каз. полка . . . 1 сот.
6-го сапер. баталіона . . . 1 рота.

8 бат., 16 ор., 1 сотня, 1 рота.

2) правый авангардъ.

Генераль-маіоръ Рябинкинъ.

2-я бригада 31 пѣх. дивизіи . . . 8 бат.
31-й арт. бригады 24 ор.
1-го Оренб. каз. полка 1 сот.
6-го саперн. бат. 1 рота.
Вост.-Сибир. воздухоп. рота 1 рота.

8 бат., 24 ор., 1 сотня, 2 роты.

3) главныя силы.

Генераль-маіоръ Гершельманъ.

9-я пѣх. дивизія 16 бат.
9-я арт. бригада 48 ор.
1-го Оренб. каз. полка 2 сот.
6-го сапер. баталіона 1 рота.

16 бат., 48 ор., 2 сотни, 1 рота.

1) лѣвому авангарду предоставляется для движенія дорога Хуаньшань, Люфантунь, Талу.

Въ первый день наступленія оставаться на занимаемыхъ мѣстахъ.

На второй день перейти на линію Хун - боа - сань - Яншутунь и укрѣпиться; особенно прочно укрѣпить высоты у д. Яншутунь.

2) въ первый день наступленія выступить въ 7 часовъ утра и перейти къ д. Сахепу, гдѣ смѣнить авангардъ 17-го корпуса. На второй день перейти на линію Хунь-боасань-Яншутунь и укрѣпиться на высотахъ у дер. Хунбоасань.

3) выступить въ первый день наступленія въ 9 часовъ утра двумя колоннами по Мандаринской дорогѣ и по дорогѣ Тахе-Шахтунь-Ламатунь. Ночлеги на высотѣ дер. Сяо-ян-антунь.

На второй день марша перейти на линію Линшипунь-Сахепу-Люфантунь и укрѣпить позицію къ югу отъ этой линіи, обративъ особое вниманіе на укрѣпленіе высоты къ сѣверу отъ дер. Хаучхай.

4) Обозамъ 2-го и 3-го разрядовъ приказано въ первый день марша перейти на лѣвый берегъ р. Хуньхе и стать у дер. Хуньхецу. На второй день перейти къ дер. Байтапу. Корпусному транспорту быть у дер. Тяхе.

5) Летучимъ артилерійскимъ парковымъ бригадамъ перейти:

Въ первый день—одному парку 31-й артилерійской бригады въ дер. Хуаньшань.

Остальнымъ паркамъ—къ дер. Байтапу.

Во второй день—одному парку 31-й арт. бригады слѣдовать за лѣвымъ авангардомъ.

Остальнымъ перейти къ д. Сахену.

Затѣмъ командиръ корпуса предписывалъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ огражденію тайны нашихъ дѣйствій отъ мѣстныхъ жителей. Съ началомъ движенія переходъ китайцевъ черезъ наши линіи въ сторону противника долженъ быть безусловно прекращенъ.

22-го сентября 1904 года. Сегодня армія перешла въ наступленіе, а авангардамъ, въ томъ числѣ и моему, приказано двинуться впередъ на слѣдующій день, т. е. завтра, 23-го сентября.

Подъемъ духа въ войскахъ необыкновенный. Желанное наступленіе, изъ области догадокъ и мечтаній, сегодня осуществляется.

Въ ознаменованіе столь торжественнаго событія былъ отслуженъ молебень въ присутствіи всѣхъ частей авангарда. Отрядъ былъ построенъ покоемъ. На аналояхъ, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, блестяли золотыя ризы иконъ, Царское благословеніе. Нижніе чины, удостоенные награжденіемъ знака отличія военнаго ордена, по 6 отъ каждой роты, стояли впереди своихъ ротъ. Оба хора музыки на флангахъ своихъ полковъ. Духовенство, въ форменныхъ зеленыхъ облаченіяхъ, и сводный хоръ пѣвчихъ заняли мѣста у аналоя.

Обходя ряды войскъ, я не могъ не замѣтить на лицахъ людей истинный восторгъ и неподдѣльную радость: завтра и мы оставляемъ Хуаншанскую позицію и идемъ впередъ, чтобы возвратить то, чѣмъ владѣли до Ляоянскихъ боевъ.

Прежде всего, до начала молебна, я приказалъ прочитать приказъ командующаго арміей отъ 19-го сентября за № 687 о переходѣ Маньчжурской арміи въ наступленіе.

Вслѣдъ за прочтеніемъ приказа было отслужено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и окропленіемъ войскъ Св. водой. Здравіцы во славу возлюбленнаго державнаго Всгдѣ русской арміи Государя Императора и Царицы Александры Θεодоровны были покрыты громовымъ несмолкаемымъ «ура». Хоры музыки исполнили трое-

кратно народный гимнь, чудные звуки котораго вмѣстѣ съ раскатами «ура», изъ глубины русскаго сердца, широкой волной разносились по ущельямъ Хуаньшаня. Минута была необычайно торжественная. Новыя здравицы за командующаго арміей генерала Куропаткина и его славную армію, вызвали такое несмолкаемое громовое «ура», что, казалось, звуки его должны доноситься до позиціи противника.

Затѣмъ было приступлено къ раздачѣ знаковъ Военнаго Ордена. Кресты прикалывались лично мною къ груди каждаго солдата. Нужно было видѣть эту искреннюю радость солдатъ, этотъ восторгъ переживаемыхъ событій, эти широкія, здоровыя, могучія груди русскаго солдата, чтобы ни на минуту не сомнѣваться, что чудный и трогательный призывъ командующаго арміей нашелъ глубокой откликъ въ ихъ сердцахъ.

Послѣ роспуска церковнаго парада въ ротахъ были розданы нижнимъ чинамъ и офицерамъ Царскіе подарки, а затѣмъ прочитана копія съ телеграммы командира корпуса Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ слѣдующаго содержанія:

«Только что возвратился послѣ раздачи войскамъ вѣреннаго мнѣ корпуса при торжественной обстановкѣ подарковъ, присланныхъ намъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Передъ раздачею отслужены были, по моему приказанію, молебны, по случаю сегодняшняго перехода въ наступленіе всей Маньчжурской арміи. Осмѣливаюсь довести до свѣдѣнія Вашего, Всемилостивѣйшая Государыня, что всѣ мы отъ старшаго генерала до младшаго солдата глубоко, невыразимо тронуты драгоценнымъ для насъ и щедрымъ Царскимъ даромъ. Недостаетъ словъ выразить Вашему Императорскому Величеству то одушевленіе и тотъ неописуемый восторгъ, который возбудила въ сердцахъ нашихъ эта трогательная по истинѣ материнская забота о насъ, только лишь исполняющихъ свой священный долгъ передъ возлюбленнымъ Государемъ и нераздѣльною съ нимъ дорогою родиною нашей. Наша безмѣрная невыразимая благодарность Государю Императору и Вашему Императорскому Величеству усугубляется еще и тою высокою, небывалою наградою, которою пожалованы всѣ мы Монаршею милостію, ставъ восприемниками отъ купели Новорожденнаго Государя Наслѣдника Цесаревича, радостію всей Россіи. Раздача подарковъ Вашего Императорскаго Величества, къ счастію совпавшая съ моментомъ перехода нашего въ наступленіе, невыразимо подняла духъ войскъ. На обращенный мною къ нимъ вопросъ, чѣмъ братцы можемъ мы хотя

бы слабо отплатить Государынѣ за только что оказанное намъ драгоцѣнное вниманіе, послѣдовалъ вырвавшійся во всѣхъ частяхъ войскъ изъ глубины сердець, лишь ими подсказанный единодушный отвѣтъ: «побѣдою надъ врагомъ», покрытый громовымъ не-смолкаемымъ «ура», во славу возлюбленнаго Царя Батюшки и Царицы Матушки. Восторгъ войскъ достигъ своего апогея, когда я, самъ растроганный до глубины души, рассказалъ имъ простыми словами въ подробностяхъ, какъ Ваше Императорское Величество, пожертвовавъ крупную сумму на подарки, не только руководили работою по изготовленію ихъ, но и сами принимали личное участіе въ ней. Пережитое нами сегодня не будетъ забыто никѣмъ изъ насъ до гробовой доски».

Подписаль: генераль-лейтенантъ Случевскій.

Въ этотъ день всеобщаго подъема духа на бивакахъ цѣлый день играли хоры музыки Пензенскаго и Тамбовскаго полковъ, чередуясь съ пѣсенниками. Даже нашлась у кого то и гармоника. Пляска, хохоть, всеобщее веселье и неразлучный въ такихъ случаяхъ «камаринскій» долго раздавались на Хуаньшаньскомъ бивакѣ, съ которымъ прощались навсегда.

Н. Мау.

(Окончаніе слѣдуетъ).



Т. С.